

СИГМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА В ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В архаической латыни есть формы глагола на -sō типа *faxō*, *sarsō*, которые чужды глагольной системе латинского языка с характерной для нее группировкой видов-временных и модальных форм вокруг основ инфекта и перфекта. Специфическое периферийное положение этих форм в языке обнаруживается на морфологическом уровне в независимости их основ от основ инфекта и перфекта (например, *faxō* в отличие от *faciō* — *fēci*), а в плане синтаксиса проявляется в том, что они не имеют в латинском языке свойственной только им сферы употребления, но дублируют в своем функционировании формы будущего (чаще перфективного будущего) и конъюнктива.

В современной лингвистике нет одной общепризнанной теории происхождения сигматических форм глагола как в итальянских языках, так и рамках более широкого единства итало-кельтских языков и индоевропейских языков вообще. Доминирует теория, которая рассматривает формы типа *faxō* как сигматическое будущее, развившееся из конъюнктива сигматического аориста, подобно гр. $\delta\epsilon\iota\acute{\xi}\omega$ и оск.-умб. *fust* „erit“ > **fuse-ti*¹. Но она встречает серьезные возражения со стороны ряда лингвистов, доказывавших независимость сигматического будущего от аориста². Несколько иной вариант этой теории предлагает Е. Курилович, рассматривая сигматическое будущее-конъюнктив как единую и.е.- категорию, развившуюся из инъюнктива сигматического аориста. Распространена также гипотеза о происхождении латинского сигматического будущего из и.е. дезидератива³. Напротив группа французских лингвистов Мейе, Тома, Эрну⁴, считает, что элемент -s- в формах

¹ F. Sommer, *Handbuch der lateinischen Laut und Formenlehre*, Heidelberg, 1948, 524; Leumann—Hofmann—Szantyr, *Lateinische Grammatik*, (1963), 343; O Szemerényi, *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, Darmstadt, 1970, 266; W. Cowgill, *Language*, 39, 260.

² W. Schulze, *Kleine Schriften*, Göttingen 1966, 103; H. Pedersen, *Les formes sigmatiques du verbe latin et le problème du futur indo-européen*, København, 1921; E. Benveniste, *Les futurs et subjunctifs sigmatiques du latin archaïque*, BSL, 23, 37.

³ E. Benveniste, *cit. op.*

⁴ A. Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1933, p. 24; F. Thomas, *Recherches sur le subjunctif latin*, Paris, 1938; A. Ernout- F. Thomas, *Syntaxe latine*, Paris, 1951, p. 207.

типа *faħō* не является специальной характеристикой аориста или дезидератива, но образует основу, независимую от всех прочих основ глагола, поэтому тип конъюнктива на *-s-*, сохранившийся в итало-кельтских языках, является более древним, чем индо-иранский и греческий конъюнктив и оптатив, которые связаны с глагольными основами индикатива. Но против генетического единства латинских сигматических образований с кельтским конъюнктивом на *-s-* выступил К. Уоткинс⁵, утверждая что дистрибуция конъюнктива на *-s-* в кельтском (образуется главным образом от корней на гутуральные и денальные согласные) и его атематический характер устраняет возможность сравнения его с латинским типом *faħō*, и что вообще наличие конъюнктива на *-s-* и конъюнктива на *-ā-* в кельтском и латинском является не общим наследием, а исторической случайностью.

Таким образом, спорным является и происхождение и соотношение латинского типа *faħō* с сигматическими формами в других и.-е. языках. Между тем недостаточно исследованы связи латинских форм с сигматическими образованиями в других италийских языках, главным образом в оскском и умбрском, где широко представлены формы сигматического будущего, так наз. будущего I с суффиксом *-s-*, *es-* и будущего II суффиксом *-us-*. Обычно отмечается генетическая общность латинских форм только с оск.-умб. будущим I, например, *fust* „erit“, для которого реконструируется более древняя форма **fu-se-ti*⁶. В будущем же II видят или перифрастическую структуру, состоящую из перфектного причастия активного залога на *-us-* и конъюнктива глагола „быть“, например, *benus* > **ben-us-ses*,⁷ или считается, что суффикс *-us-* возник под влиянием употребительной в оскско-умбрском формы *fust*⁸. Однако анализ синтаксического употребления лат. форм типа *faħō* и оск.-умб. сигматического будущего показывает удивительное сходство функций лат. форм и оск.-умб. будущего II. Очень ясно это обнаруживается в условных предложениях, то-есть в том типе предложений, где сигматические формы засвидетельствованы в наиболее архаичных италийских надписях. Вот два параллельных примера из латинского текста закона о священной роще и оскского текста Бантийского закона: CIL I 366, I 10 *sei quis aruorsu hac faxit [in] ium / quis uolet... manum iniect[i]o estod sieue/mac[i] teratus uolet moltare / [li]cetod; Ve 2, II suaepis contrud exeic fefacust auti comono hipust molto etantod estud n.oo inim suaepis ionc fortis meddis moltaum herest... licitud „siquis contra hoc fecerit*

⁵ C. Watkins, *Italo-Celtic revisited*, „Ancient Indo-European Dialects“, Berkeley and Los Angeles, 1966, p. 41.

⁶ F. Sommer, cit. op. 524; Leumann—Hofmann—Szantyr, cit. op. 326, 343.

⁷ C. D. Buck, *Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte*, deutsch von E. Prokosch, Heidelberg, 1905, p. 110; G. Bottigliani, *Manuale dei dialetti italice*, Bologna, 1954, p. 138.

⁸ V. Pisani, *Le lingue dell' Italia antica oltre il latino*, Torino, 1953, p. 64.

aut comitia habuerit, multa tanta esto: n. MM. Et si quis eum fortius magistratus multare volet... liceto". Оба текста очень близки по смыслу и по структуре: в первом условном предложении говорится о действии, направленном против закона, которое возможно, но не связано с каким-либо другим действием или событием, а представляет собой чистую возможность. Формой выражения этой абстрактной возможности в латинском тексте является конъюнктив на -s- *faxit*, а в оскском тексте будущее II *fefacust*. Во втором же условном предложении сообщается о таком действии, возможность которого обусловлена, которое вполне вероятно, если состоится первое действие, и здесь в обоих текстах одинаково употреблена форма удущего I *uolet* и *herest*. Та ая же по лед вательность форм отмечается в древнем латинском тексте закона об о щественных мерах веса *lex Silia de ponderibus publicis* (Fest. p. 288 L) *Si quis magistratus aduersus hac d(olo) m(al)o pondera modiosque uasaque publica modica minora maioraque faxit iussitue fieri dolumue adduit, quo ea fiant, eum quis uolet magistratus multare... liceto*. Ср. также *lex agraria* CIL I 585,25; *lex municipii Tarentini* CIL I 590 I 34; *Tabula Bantina* 17, 19, 25. Таким образом, ф нкционально, как средство выражения чистой возможности ти действия в будущем, латинский конъюнктив на -s- тождествен оскско-умб.скому будущему II. Но поскольку будущее I на -s-, -es- в условном предложении отличается ст будущего II на -us- лишь степенью выражения того же смысла („возможность обусловленная, связанная“ в отличие от „чистой возможности“), то общее модальное значение возможности можно считать древнейшим грамматическим значением всех этих сигматических форм, арх. лат. конъюнктива на -s- и оск.-умб. будущего на -s-, -es-, -us-.

В план : морфологии также наблюдается ряд общих черт, свойственных как лат. конъюнктиву на -s-, так и оск.-умб. будущему I и II: независимость их основ от основ инфекта и перфекта, образование непосредственно от корня, краткость корневого вокализма, общность сигматического форманта. Конечно, не все эти признаки сигматических образований могут быть обнаружены у всех оск.-умб. глаголов, а только у наиболее древних. Так оск.-умб. *fust* „erit, fuerit“, *furent* „erunt, fuerint“ образованы от кратковокалического корня *fu- (<и.е.*bhū-) и не связаны ни с перфектной основой, ср. оск. *fufens* „fuerunt“, ни с презентной основой, ср. оск. *est, sent*. Зато структурно формы *fu-s-t, fu-r-ent* соотносятся с модальными формами: с императивом оск.-умб. *fu-tu*, арх. лат. *fu* и арх. лат. конъюнктивом *fu-a-t*, которые так же представляют вполне автономные образования, независимые от презенса морфологически и семантически (по значению *fuat* ближе к *fiat*, чем к *sit*).

⁹ Walde—Hofmann I, 630; A. Ernout, *Le dialecte ombrien*, Paris, 1961, p. 84.

Умб. формы будущего II *habus* „habuerit“, *haburent* „habuerint“ не имеют никакой связи с перфектной основой, если она действительно содержится в композите умб. *eitipes* „dēstēvērunt“ из *a ketom hērens или в форме *sehēfi*, представляющей, по мнению Э. Феттера¹⁰, перфект конъюнктив а страдательного залога *-hēfi(r)* от варианта корня *haf- (ср. оск. *hip-us* < *hēp-) с превербом *se-*. С другой стороны, наблюдается соответствие в модели построения между умб. будущим II *habus*, *haburent* и формой конъюнктива на *-ā-*, сохранившейся в древнеумбрском в составе энклитической группы *neifhabas* „ne adhibeant“ (отрицание *nei* + преверб *af* < *ad + конъюнктив *habas*). Форма *-habas* образована непосредственно от кратковокалического корня и относится к тому же архаичному типу конъюнктива, как лат. *advenat*, *attigas*. Морфологическая корреляция, отмеченная между умб. будущим II *habus* и конъюнктивом *-habas*, между оск.-умб. *fust* и арх. лат. *fuat*, обнаруживается также между вольск. *atahus* „attigerit“ и мартуц. *ta[h]a* „tangat“, между умб. *benus* „vēneris“ и арх. лат. *advenat* ср. *veniō* : *vēnī*). Так как образование конъюнктива с суффиксом *-ā-* непосредственно от корня вне зависимости от основ инфекта и перфекта является очень древней особенностью италийского глагола, не менее древним должен быть и тип корреляции этого конъюнктива с будущим II.

Умбрские формы будущего II *fakus* „fēcirit“, *fakurent* „fēcirit“ образованы непосредственно от кратковокалического корня *fak- и стоят, очевидно, в одном ряду с умб. *habus*, *haburent*. Перфектная же основа этого глагола образуется в италийских языках либо путем редупликации, ср. пренест. *Fhe:Fhaked*, оск. *fefacust*, *fefacid*, либо путем продления корневого гласного, ср. лат. *fēcī*.

К морфологическому ряду *habus*, *fakust* может быть присоединено также оск. будущее II *dicust* „dixerit“ которое является корневым образованием с нулевой ступенью вокализма, отличающимся как от основы презенса, где налицо полная ступень вокализма, ср. инфинитив оск. *deikum*, так и от основы перфекта, имеющей нормальную для корня структуры TeT редупликацию, ср. будущее II умб. *dersicust* < *dedicust.

Автономностью своей основы и независимостью от основ инфекта и перфекта отличается не только будущее II некоторых глаголов, но и будущее I. Так в противоположность формам презенса индикатива оск. *fiiet*, *fiiet* „fiunt“, в которых выделяется та же основа *fī-* < и.-е. *bh₂-i-, как и в лат. атематических формах *fī-s*, *fī-mus*, будущее I умб. *fuiest* имеет другой вариант основы *fui* < и.-е. *bh₂-i-. Такую же основу показывает конъюнктив умб. *fuiā*. В словаре Вальде-Гофманна¹¹ для форм с основой *bh₂-i- реконструируется особая форма презенса *bh₂ijō, параллельно к которой служат греч. φύω, лат. φύω, др. инд. bhūyatē. Но в том, что касается основ на *-ī-*, материал древнегреческого и

¹⁰ E. Vetter, *Handbuch der italischen Dialekte*, Heidelberg, 1953, p. 237.

¹¹ Walde—Hofmann, I, 504.

древнеиндийского не показателен, так как в этих языках представлены только тематические основы на *-jo-*, тогда как в итальянских языках, как и в балто-славянских, различаются основы на *-i-* и *-i-* /наряду с отдельными тематическими формами на *-jo-*¹². Поэтому можно думать, что альтернация основ с долгим и кратким *i* в исходе, соответствующая аблаутному чередованию внутри корня (**bhū-i*/**bhu-i*) связана не с дублетными формами презенса, но служит морфологическому противопоставлению презенса индикатива конъюнктиву на *-ā-* и сигматическому будущему.

Морфологически выделены формы косвенных наклонений и сигматического будущего также в глаголе со значением „давать, преподносить“. В итальянских языках в этом значении употребляются наряду с формами содержащими простой и.-е. корень **dō-*/*dē-*, также формы, имеющие корень с расширением **do-*. Примечательно, что во всех итальянских языках этот расширенный корень имеют модальные формы (конъюнктив на *-ā-*, опатив на *-i-*, императив) и сигматическое будущее в отличие от презенса и перфекта индикатива, образованных от простого корня. В архаической латыни это — *d ās, duim, duīs*, в других итальянских языках налицо два ряда форм от основ различающихся степенями аблаутного чередования в корне и основообразующем гласном: *do-**i-* и **du-**i-* > *dī-*: Praes. Conj. fal. *douiad*, Impt. u. *pur-douitu*, *pur-tuvitu* Fut. I u. *pur-tuvies*; Praes. Conj. u. *dia*, Fut. II u. *pur-tiius* (ср. Pf. Ind. fal. *por-ded*). Следует обратить внимание на то, что в обоих рядах наблюдается одинаковое соотношение конъюнктива на *-ā-* с сигматическим будущим, но в одном ряду это будущее I, а в другом — будущее II: *doui-a-d*: (*pur*)-*tuvi-es* < **doui-es* = *di-a*: (*pur*)-*tii-us*.

Если сопоставить эту пропорцию с отмеченной выше корреляцией форм будущего II с конъюнктивом на *-ā-* (умб. *habus* : *-habas*, вольф. *a-ta-hus* : марр. *ta[h]a*, умб. *benns*, ок. *se-bnust* : арх. лат. *ad-venat*, оск.-умб. *fust* : арх. лат. *fuat*), то неизбежным становится вывод о том, что категории-будущее I и будущее II должны быть близки между собой, чтобы они могли находиться в одинаковом морфологическом соотношении с конъюнктивом на *-ā-*. С другой стороны, наблюдаемое у некоторых древнейших глаголов расхождение между основой будущего (I и II) и соответствующими основами презенса и перфекта (умб. *fakust* : прен. *Fhe* : *Flaked*, умб. *habust* : оск. *lipid*, оск.-умб. *fust* : оск. *fufens*, умб. *fuiest* : оск. *fūiet*, умб. *pur-tiius*; фал. *po -ded*) позволяет утверждать, что в итальянских языках сохранились следы более древней организации глагольных форм, когда будущее I и II не входили в системы инфекта и перфекта, как это имело место в классическом латинском языке и в более позднем оскско-умбрском, но вместе с конъюнктивом на *-ā-* составляли отдельную систему, независимую от презенса и перфекта индикатива.

¹² Leumann—Hofmann—Szantyr, cit. op. 321.

Поскольку важнейшие морфологические признаки: автономность основы, краткий корневой вокализм, сигматический суффикс, и древнейшая синтаксическая функция выражения возможности действия объединяют не только будущее I и будущее II, но и арх. лат. конъюнктив типа *faxō*, то можно предполагать, что обе формации сигматического будущего происходят из общейталийского конъюнктива на *-s-*. Но в одной весьма существенной морфологической характеристике — типе флексии — италийские и латинские сигматические образования расходятся, так как латинские формы являются тематическими: *faxō -is -it -imus -itis*, только 3 мн. ч. *-int*, тогда как италийские формы тематического гласного не содержат: *benus, benust, fust, furent*, где окончание 3 мн. ч. *-ent* может рассматриваться как древнее и.-е. атематическое окончание. Исторически такое расхождение может объясняться двойко: синкопой тематического гласного в оскско-умбрском или позднейшей тематизацией форм в латинском языке. Большинство лингвистов прошлого и настоящего времени признает значительно большее распространение синкопы в оскско-умбрском, чем в латинском языке, и к этому общему явлению относят также синкопу тематического гласного в глаголе. Против этого взгляда решительно выступал Х. Педерсен¹³, доказывая древность атематических оскско-умбрских форм сигматического будущего. В настоящее время позицию Х. П. дерсена подд-рживает Е. Курилович и Х. Бенедиктссон¹⁴, специально изучавший условия синкопы в оскско-умбрском и пришедший к выводу, что в словоформах определенной силлабической структуры с кратким предпоследним слогом фонетически была невозможна синкопа в конечном слоге между согласными *s* и *t* и между *s* и *s*, то-есть формы типа оск. *emest*, умб. *ferest, benus, benust* были атематическими. Но в таком случае есть все основания считать, что в латинском конъюнктиве на *-s-* тематизация форм была вторичной и в своем древнейшем статусе он так же, как италийское сигматическое будущее, имел атематическую флексию.

Таким образом, древний сигматический конъюнктив характеризовался независимостью своей основы от глагольных основ индикатива, присоединением форманта *-s-* непосредственно к кратковокалическому корню (у некоторых глаголов, сохраняющих и.-е. аблаут, это — корень с нулевой ступенью вокализма) и атематической флексией. Наблюдаемая в италийских языках морфологическая корреляция форм сигматического будущего (I и II) с конъюнктивом на *-ā-*, генетически и.-е. опативом, позволяет реконструировать в общейталийском особую независимую от индикатива систему косвенных наклонений, основными единицами кото-

¹³ H. Pedersen, *Les formes sigmatiques du verbe latin et le problème du futur jndo-européen*, København. 1921.

¹⁴ J. Kuryłowicz, *The inflectional categories of Indo-European*, Heidelberg, 1964, p. 115; H. Benediktsson. *The vowel syncope in Oscan—Umbrian*, „Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap“, Bd. 19, p. 231, 234.

рой были конъюнктив на -s- со значением возможности и оптатив на -ā- со значением желательности действия.

В общих своих чертах эта система может быть сопоставлена с кельтской системой косвенных наклонений, так же представленной конъюнктивом на -s- и конъюнктивом на -ā-. Конъюнктив на -s-, хорошо известный в древнеирландском¹⁵, имеет те же характерные особенности образования, как в итальянском: 1) атематическую флексию, сохранившуюся в 3 ед. ч. активного залога, например, *téis* (tiag- „идти“) < **tēssi* < **tēss-ti*, и во 2 и 3 ед. ч. депоненса: **fe(i)sser*, **festar* (ro-*fitir* „знает“); 2) присоединение суффикса -s- к конечному согласному корня независимо от презентной основы, например, *guidimm* „прошу“: 2 ед. ч. конъюнктива *geiss*, *laigid* „лежит“: *less-*, *for-ding* „подавляет“: *dēss-*; 3) краткость корневого вокализма, которую подтверждают наиболее своеобразные образования др.-ирл. глагола — энклитические формы конъюнктива на -s-, которые содержат один лишь начальный согласный корня при утрате остальной части основы, что возможно только в том случае, если корневой гласный был этимологически краток, например, *aingid* „защищает“, основа конъюнктива *apess-*, энклитическая же форма 3 ед. ч. -*ain*, *t-in-fet* „вдувает“: **t-ini-b*, *mligid* „доит“: *du-in-mail* (<*-m|).

В какой-то степени сходны были и пути дальнейшего развития конъюнктива на -s-, давшего в итальянских и кельтских языках начало сигматическому будущему, в древнейших своих формах полностью совпадающему с конъюнктивом на -s-. В кельтском это были формы сигматического будущего семи глаголов, как *laigid* „лежит“: *less-*, *saidid* „сидит“: *sess-*, *rethid* „бежит“: *ress-*. Но и обычные в древнеирландском формы сигматического будущего отличаются от соответствующих форм конъюнктива только начальной редупликацией. В итальянских языках след такого редулицированного будущего представляет, возможно, др.-умб. форма 3 ед. ч. (или мн. ч.) *fefure* „fueri(n)t“ при обычных формах *fust*, *furent*. Нормальный же путь формирования сигматического будущего в итальянских языках был связан с усложнением суффикса, проходившим параллельно развитию новых грамматических значений, и использованием ступеней аблаутного чередования в суффиксе: *-s/es/os-, из которых первые два были закреплены за будущим I, а последний в графической форме -us- за будущим II.

Москва.

Б. Хогорковская.

¹⁵ R. Thurneysen, *Handbuch des Altirischen*, I. Heidelberg, 1909, p. 363, 367; H. Pedersen, *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, II, Göttingen, 1913, p. 355.

¹⁶ R. Thurneysen, *Zum indo-germ. und griech. Futurum IF*, 38, 145.